

тер за катером. Что-то подсказывает: это уже было. Или будет. Или существует всегда, недалеко от каменного моста без перил, рядом с византийской мозаикой старой церкви, на полпути к деревянным шатким причалам.

*

Искусство жить в Венеции не распространяется на приезжих. Местного жителя легко вычислить в аква алта: он аккуратно раздвигает голенищами море, обходя босых возбуждённых людей. Наводнение ему привычнее дождя, он знает таблицу зон затопления, на первых этажах нагове насосы и прочие амулеты.

Достоинства, переходя в недостатки, обретают хроническую форму: если наводнения — это Сцилла, то Харибда — туристы. С утра до ночи вдоль Канала снуют бизоны стада, не давая затянуться ранам в просеках улиц. Венеция отдана оккупантам не на три дня, а бессрочно, энтропия гостеприимства нарастает.

Снизить нагрузку непросто, пласты исторических пород выходят на поверхность, смыкаясь в одной из точек прикрепления человеческого рода к небесам. Мир непрерывно стремится в эту точку: зачерпнуть ещё одну порцию красоты, вспомнить о смерти, жить дальше.

*

Так воплощается высшая форма эклектики: греческая мера прекрасного, фатальное римское начало, византийская изворотливость.

Мифология Венеции — апофеоз эллинизма, её кислород подобен составу любви: иллюзия, обольщение, осязаемые плоды. Были ли в той корзине мощи святого Марка? Нужно прожить десять веков так, словно они там были.

Серениссима. Полёт и тяжесть, севшая на воду средневековая летающая тарелка. Создаваемая для счастья, она стала и школой смерти, это ДНК Аквилеи, римские хромосомы: научись умирать, оставляя в живых надежду. Венеция щедро учила детей умирать.

Танцы в обнимку с чумой. Утренний вывоз тел как уборка мусора. Доктора в карнавальных масках, птицы с глазами зверей Апокалипсиса — та чума похлеще печей XX века. Чем ответили люди на вызов тотальной смерти? Красотой и любовью. Новыми церквями.

Змеиное тело Канала разрезает город пополам, это извилистый след Византии. Венеция была проекцией, терпеливой тенью Константинополя; в последнем крестовом походе шварцеская тень впитала и переварила хозяина — и сделала это с византийским коварством.

Последнее звено цепи, Венец, имя собственное. Прекрасное, тленное, изощрённое.

А, может, дело в мелочи, которая отличает это место от всех предшественников. Здесь никогда не было рабства.

*

Бродский упоминает Хэзлитта, тот считал, что Венецию может превзойти лишь город, построенный в воздухе. Метафора кажется остроумной, но и столь же далёкой от сути: по примеру богини, всё живое явило свой лик из воды; устранённая из схемы нового рая, вода на прощание смывает схему в небытие. Один лишь воздух и твердь, что делать живому в Элизии для гидрофобов? Искать воду.

Венеция и есть найденная в пустыне вода; более того, она — укрощение моря. Приручить волны, превратить их в домашнего зверя, такой библейский трюк сродни бессмертному цирковому представлению. Атлантида с подобной задачей не справилась.

Город дышит по утрам, как древнее животное, в ясный день впитывая свет куполами солнечных базилик, в его артериях и капиллярах — кровь неведомой группы. Но если нет пары и не попасть на Новый Ковчег, что делать тогда? Стать Ковчегом.

...А потом, за 15 минут до поезда, ещё выходишь к пристани, чтобы увидеть, как расцвет струится и расширяется из фасада Сан-Симеоне, словно из кокона, чтобы сделать вдох рядом с водой. И уйти внутрь вокзала, оставляя за спиной Нарцисса в каменной маске, бездонным взглядом скользящего по периметру Гранд-канала.

Владимир СЕРЕБРО Наша одессика

Когда мы с женой решили эмигрировать, то озаботились, естественно, многим, в частности, тем, как можно дольше и полнее сохранить память о любимой Одессе, городе, в котором родились и с которым связана жизнь нескольких поколений нашей семьи. Перспектива оторваться душой от Одессы безумно страшна.

История эта случилась в начале 90-х годов. Тогда к эмиграции готовились многие одесситы. Волнений у них было немало. Одно из них звучало так: что следует взять с собой для продажи за границей? Иными словами, как создать "подушку материальной безопасности" по пути к новой жизни и в ее начале. В спорах по поводу того, что пользуется повышенным спросом "там" — каким глубоким смыслом наполнялось это местоимение! — часто назывались картины современных одесских художников.

В нашей семье живопись понимали и любили, отношение к ней было почти мистическое, поэтому идея приобретения картин захватила и нас, но с совершенно другой целью. Заключалась она в том, чтобы в соответствии с семейной парадигмой приобрести картины одесских художников, но исключительно по одесской тематике. Мы понимали, что картины эти не будут проданы и останутся с нами, а после нас перейдут к нашим потомкам. Ведь в истории не было случая, чтобы живописная работа, принадлежащая нашей семье, продавалась!

В предотъездный период мы были сильно ограничены в средствах, но, тем не менее, решили посетить нескольких одесских художников. Действовали при этом случайным образом. Начали с визита к художнику Михаилу с несколько странноватой, но "вкусной" фамилией — Черешня, одному из ярких представителей "второго одесского авангарда" — южного направления неофициального искусства. Принял он нас в маленькой комнатке квартиры, расположенной, если мне не изменяет память, в хрущевской пятиэтажке. В комнате не было никакой мебели, а картины стояли прислоненными ко всем ее стенам. На вопросы художник отвечал скупко. Казалось устоявшим. Возможно потому, что встреча произош-

ла в предвечернее время. Работы его нам понравились — сочные яркие краски, много света, некоторые картины с явным сюрреалистическим оттенком. Во всем чувствовался почерк большого мастера. Кстати, последующие годы подтвердили наше впечатление.

Несмотря на положительное отношение к увиденному, мы ничего не купили, поскольку не нашли работ сугубо одесской тематики. Да и картины оказались не по нашему карману. Впрочем, достаточно было одной из этих причин...

Следующий визит мы нанесли художнику Александру Лантухову в его мастерской. Находилась она во дворе известного в Одессе дома на улице Преображенской. В этом доме когда-то жила замечательная актриса Лия Исааковна Бугова. Там я ее несколько раз навещал. Мастерская художника располагалась очень высоко, в чердачном помещении. Чтобы попасть в нее, необходимо было войти во двор, из которого на чердак вела шаткая ажурная металлическая лестница. Да, путь в мир прекрасного бывает не легким и даже опасным...

Если Черешня относился к моему поколению, то Лантухов — представлял следующее. Встретил он нас приветливо, в общении был легок. После взаимных приветствий смущенно произнес:

— Почти все мои лучшие картины раскупили отъезжающие за границу. Мало что осталось. Посмотрите, может быть, кое-что подберете.

Стиль работ этого художника был совсем другим. Я, не будучи специалистом, назвал бы его чем-то средним между реализмом и импрессионизмом. В этом сочетании была своя прелесть — узнаваемость пейзажа и особенное авторское впечатление о нем.

Мы выбрали две небольшие картины маслом. Одна из них — типичный старый одесский дворик двухэтажного дома с галереей по всей его длине, на которую выходят двери квартир. Ворота из двора на улицу полностью открыты. В картине много типично одесского света, сочетающего свет солнца и золотистого ракушечника, распространенного строительного материала старой Одессы.

Другая картина — это жилой четырехэтажный одесский дом на пересечении улиц Греческой и Екатерининской. Он известен одесситам как дом с одним балконом вдоль всего фасада на обе улицы. Картина сделана в сиреневой дымке, опять-таки характерной для города то в сумрачные дни, то в предвечернее время.

В мастерской Лантухова Лиля, моя жена, несколько раз брала в руки небольшое полотно, на котором был изображен известный одесситам дом с атлантами на улице Гоголя, 7. Брала и ставила на место несколько раз. Увидев это, художник сказал:

— Вряд ли эта картина вас заинтересует, ведь дом этот рисуют почти все учащиеся художественного училища.

В ответ последовало:

— Дело в том, что к этому дому у меня особое отношение. Он — творение двух известных архитекторов: Влодека и Ландесмана. Ландесман — мой предок, девичья фамилия моей мамы — Ландесман. Но эту вашу работу мы не можем, к сожалению, купить: нет материальной возможности.

На этом мы расстались. Прошло несколько дней. В нашей квартире раздался телефонный звонок. Звонил Лантухов, просил разрешения нас навестить, чтобы ознакомиться с живописью в нашей семье. Этому гостю мы были рады.

Пришел он на следующий день. Дверь ему открыл я. Когда он вошел, у него в руке был завернутый в газету плоский предмет — то ли альбом, то ли картина. Он оставил свою ношу в передней и прошел в комнаты. После маленькой экскурсии по квартире мы долго беседовали. Говорили о картинах и о рисунках Лилиного отца.

Перед тем как попрощаться с нами, Лантухов вышел в переднюю и вскоре возвратился, держа в руках заинтересовавшую Лилу картину — дом с атлантами. И сказал:

— Я решил подарить эту картину вам. Принимаю ее скромное художественное значение, но для вас она имеет смысл семейной реликвии.

После этого он на обороте полотна написал: "А. Лантухов".

Этот подарок доставил нам огромную радость. Мы тепло благодарили художника.

С тех пор прошло почти двадцать лет. По сей день в нашей нью-йоркской квартире висят все три городских пейзажа работы А. Лантухова, средний из них — его подарок. Эту мини-выставку мы называем "Наша одессика".

Поэзия Хаима Гури

Хаим Гури родился в 1923 г. в Тель-Авиве. Учился в школе киббуца Бет-Альфа, в сельскохозяйственной школе в Нижней Галилее. Окончил Еврейский университет в Иерусалиме.

Во время Войны за независимость (1947 — 49) Хаим Гури — заместитель командира роты. Во время Шестидневной войны (1967) Гури — командир роты, в Войну Судного дня (1973) — старший офицер отдела бронетанковой дивизии.

Хаим Гури опубликовал два десятка книг поэзии и прозы, пронизанных гуманизмом и сыновней болью за судьбы еврейского народа. В 1961 году за свой дневник на процессе Эйхмана Гури был удостоен премии Нахума Соколова — высшей журналистской премии Израиля, а за своё поэтическое творчество получил Государственную премию Израиля.

Алтарь

Это было проклятое поле —
Усыпанное раскалёнными камнями,
Обугленными стволами деревьев,
Которое! Они! Прошли!
Крикнув в изнеможенье:
— Вызывай "Цикламен"! —
"Цикламен"?!
— Да! "Цикламен" и... "Медь" в квадрат
Туда..., где горит "Габриэла".
Я гляжу на готовых к броску солдат:
"Кто ещё из нас упадёт теперь уже
На пути к "Габриэле"?
А чей силуэт замаячит на гребне?
Ведь только он, словно ангел,
Продолживший подъем,
И, просящий "Золота" — прикрития
Для вершины, останется жив.
...Еще немного, и вдали от этих песков
Зарыдают десятки матерей, жён и детей.

Молитва в песках

Вы, вытянувшиеся в песках,
Даже не успев снять кованых ботинок,
Простите меня за всё
И воздайте прощение мне тишиной,
Братья мои во тьме.

В полный рост стою я равнином над вами,
Братья мои по духу.
Всё ясней различаю ваши лица,
Когда приближаюсь в густоющей тишине.
Братья мои во тьме.

При мне всегда — единственно —
моя душа,
Наследство мне от бедной иудейки.
В песках не слышен гул ботинок ваших.

И за то, что жив пока, простите мне,
Братья мои во тьме

Заклинанье-молитва моя восходила
Ступеньками к пылающему небу,
Но не хватало мне слов Элиши —
Об этих песках — они не неизвестны мне...
Братья мои во тьме.

Я стою под западным ветром и под небом юга,
Равнодушным ко всем вам — павшим,
В этой — зывающей к небу
И со смятенной душой — стране.
Братья мои во тьме.

Стою я над вами, а уже снова мне велят,
Как и вам когда-то, идти на запад.
А тянусь к вам с тяжёлым сердцем своим,
Переполненным вашими душами,
Братья мои во тьме!
Братья мои!

Сговор

Я получу простор и медленный бег воды,
Ты от меня — горы камней для гряды.
Я получу — дубрав таинственных тень
Ты — Святые Места
и щедрый наш знойный день

Ты получишь равнины с оазисами и морями

Я — в руинах страну и —
с мина на mine — полями.
Ты дашь — газончик,
и на нём угасший фонтан
а я тебе всех давних соседей —
магометан.

Ты дашь мне рабыню, потупившую взор,
Я — десантницу, рвущуюся в дозор.
Чем не гешефт прекрасный обоим нам,
Только как быть с совестью?
Пополам?

"Ну да — отвечает, — не думай ни о чём.
И на тебе, вот..."
...Под камешком на песке
плевок
и... долларовой счёт.

Земля обетованная

Присно и ныне от гнева
пылают камни
В иерусалимской земле.

Присно и ныне зывают
из бездны горя братья
В иерусалимской земле.

Присно и ныне горка камней
у изголовья спящего
В иерусалимской земле.

Присно и ныне всё ещё заперты
Врата Милосердия
В иерусалимской земле.

Присно и ныне истоптаны дороги
пилигримами
В иерусалимской земле.

Присно и ныне (что говорить о каждом)
Господь себе кажется лишним
В иерусалимской земле.

Перевод с иврита Василия Выхристенко.

С этим именем у меня связаны события Войны Судного дня 1973 года. Сегодняшнему молодому читателю мало, что известно о нём, но пусть он спросит у людей постарше, проявив хотя бы любопытство и не только, как это сделал я в окопе перед линией Барлева, прочитав принесённый хамсином солдатский блокнот со стихами. Вот тогда-то и открылась мне душа солдата и поэта по имени Хаим Гури.

Василий Выхристенко.